

УДК 811.161.1

DOI 10.18413/2075-4574-2018-37-3-470-479

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В РОССИЙСКИХ МАССМЕДИА**MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS IN THE RUSSIAN MEDIA****Е.Н. Корнилова****E.N. Kornilova**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

E-mail: ekornilova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются элементы мифологического сознания, встречающиеся в российских массмедиа в последние десятилетия. Теоретической базой данного исследования являются работы крупнейших антропологов, психоаналитиков, философов, литературоведов и специалистов в области изучения мифологии: Дж.Дж. Фрезера, Э. Кассирера, З. Фрейда, Б. Малиновского, К. Леви-Строса, К.Г. Юнга, Р. Барта, М. Элиаде, Ю.М. Лотмана, А. Гулыги, М.М. Бахтина, Е.М. Мелетинского и др. Цель исследования состояла в том, чтобы создать для пишущих журналистов или исследователей медиапространства нечто вроде краткого справочника, в котором описывались бы наиболее широко распространенные модели мифологического мышления с указанием на точное описание этих моделей в научной литературе. Автор статьи настаивает, что мифология, являвшаяся формой идеологии раннеродового общества, и донныне не утратила своего идеологического наполнения. Любая идеологическая система современного мира использует формы мифологического мышления для манипулирования массовым нерасчлененным сознанием. В статье приводятся примеры тотемических табу, магических приемов, ритуальных действий, архетипических моделей, из которых самые распространенные – архетипы Отца и Героя, и прочих форм мифологического мышления, имеющих место в текстах современных российских массмедиа со ссылками на конкретные источники.

Abstract

In this article the author demonstrates and comments on some examples of models of the mythological thinking take place in the Russian mass media in recent decades. The theoretical basis of this study is the work of the largest anthropologists, psychoanalysts, philosophers, literary critics and experts in the field of the study of mythology, as J.J. Freser, E. Cassirer, Z. Freud, B. Malinowski, K. Levi-Strauss, K.G. Jung, R. Barth, M. Eliade, Yu.M. Lotman, A. Guliga, M.M. Bakhtin, E.M. Meletinsky and others. The aim of the research was to create for the writing journalists or researchers of the media space something like a short guide describing the most widespread models of mythological thinking with an indication of an exact description of these models in the scientific literature. The author of the article insists that the mythology, which was the form of the ideology of the early society, has not lost its ideological content to this day. Any ideological system of the modern world uses forms of mythological thinking to manipulate a mass undifferentiated consciousness. The article contains examples of totemic taboos, magic receptions, ritual actions, archetypical models, of which the most common archetypes of the Father and the Hero, and other forms of mythological thinking, taking place in the texts of the Russian media in New Russia with links to specific sources.

Ключевые слова: мифологическое мышление, архетипы, оппозиции коллективного бессознательного, магия, российские СМИ.

Keywords: Mythological thinking, archetypes, the opposition of the collective unconscious, magic, Russian media.

Введение

Объектом данного исследования является мифологическое сознание как элемент идеологии современного мира. Объект этот сам по себе вступает в противоречие с современной научной парадигмой мира. Говорить о масках мифа в современном профессиональном сознании с серьезной научной миной смешно. Однако развенчание мифа во всех его разрезах и составляющих – задача чисто рациональная. Научный рационализм насмерть враждует с полуправдой и охранительными тенденциями. Очевидно, автор статьи не ставил перед собой цели хоть чем-то задеть самолюбие пишущих журналистов или исследователей медиапространства. Напротив, цель состояла в том, чтобы создать для них нечто вроде краткого справочника, в котором описывались бы наиболее широко распространенные модели мифологического мышления с указанием на точное описание этих моделей в научной литературе. В материале даны ссылки на признанные в мировой науке труды антропологов, этнографов, психоаналитиков, которые как раз и занимались выявлением и описанием этих моделей, совершенно неистребимых в массовом сознании, с которыми как раз и работают массмедиа.

Напомним, что мифология, являвшаяся формой идеологии раннеродового общества, и донныне не утратила своего идеологического наполнения. Миф – форма коллективного сознания примитивных сообществ, синкретичная по своей природе [Веселовский, 1940: 54], включала все аспекты бытия человека и окружающей жизни [Мелетинский, 2000: 72]. В ее лоне сформировались архетипы, то есть модели коллективного бессознательного, продолжающие господствовать в массовом нерасчлененном сознании и сегодня, а, следовательно, работа с ними составляет ядро массовой коммуникации и пропаганды.

Естественно, в средствах массовой информации современной России такие понятия как «агитация и пропаганда» не просто не употребляются, они табуированы, поскольку связаны с основными идеологическими представлениями предыдущей коммунистической эпохи, которой современная либеральная пресса себя противопоставляет. Однако никакие табу, появление института которых связано с самыми ранними формами мифологического сознания, в частности с тотемизмом, не могут замаскировать основные функции носителей или разрушителей той или иной идеологии в современном государстве.

Основная часть

Хотим мы этого или нет, идеология является упрощенной и, так или иначе, партийно окрашенной ментальной моделью действительности. В этом ее полное сходство с мифологией. Вот что писал Бронислав Малиновский о функционировании этой системы: «В примитивной культуре миф выполняет незаменимую функцию: он выражает, укрепляет, кодифицирует веру; он оправдывает и проводит в жизнь моральные принципы; он подтверждает действительность образа и содержит практические правила» [Малиновский, 1998: 99]. Те же функции присущи современной идеологической надстройке над включенным в процессы глобализации массовым обществом, отличающимся к тому же кризисным характером всех проходящих в нем процессов. Технический прогресс, особенно усилившийся во второй половине XX века, привел к возникновению новых способов управления общественным мнением – к медиакратии. «Четвертая власть» активно пользуется отсутствием целостной, рационально построенной картины мира как у многочисленных представителей власти «новой волны», так и у отдельных индивидуумов, уровень образования которых стремительно катится вниз. Именно потому элементы знания подменяются, в том числе и с помощью средств массовой информации, мифологемами и архетипами, а также разнообразными лжеучениями, оккупировавшими, особенно в 90-е гг., экраны телевизоров и страницы периодической печати. Чего стоили часовые передачи запрещенной в Японии секты «Аум синрикё» на телеканале «2x2» и на радиостанции «Маяк»? Несмотря на последующий запрет деятельности этой

экстремистской и террористической организации, у нее остались адепты и последователи, а главное, осталось «послевкусие» от возможности воздействия на массовое сознание подобных проповедников, парапсихологов, различных «психотерапевтов» как Анатолий Кашпировский, Алан Чумак и проч. И сегодня то там, то здесь появляются астрологические прогнозы, гадания на картах Таро и прочие средневековые способы проникновения в будущее. Целый общероссийский канал РЕН ТВ буквально специализируется на подобных предсказаниях, мистических загадках, намеках на таинственные, возможные инопланетные и другие сверхчеловеческие силы. Как правило, подобные журналистские «продукты» не имеют целью повышение образовательного и интеллектуального уровня аудитории, а, наоборот, подстраиваются под низкопробные массовые вкусы и предпочтения, не подтягивают публику на более высокую образовательную ступень, а опускаются на самый примитивный уровень. Эти СМИ перестают информировать зрителя, а работают для того, чтобы привлечь рекламодателя, целью которого являются поиски массового потребителя. Коммерциализация аудиовизуальных СМИ, прежде позволявшая создавать иллюзию возможности наличия плюрализма, сегодня превращает эту собственность в предприятия с низкими затратами и высокой прибылью, где профессиональная журналистская деятельность сведена к минимуму. Зрительская масса с наслаждением хватается за миф, декорации которого ощущаются как более праздничные, наполненные, целостные и динамичные: молодое поколение неумеренно потребляет Толкина и фэнтези, компьютерные игры, где каждый может почувствовать себя героем и сверхчеловеком, среднее – с головой погружено в «американскую мечту», понятую как карьеризм и гедонизм в стиле «гламур», старшее никак не может забыть коммунистическую утопию. По словам Ю.М. Лотмана, «миф всегда говорит обо *мне*. «Новость», анекдот повествуют о *другом*. Первый организует мир слушателя, другие добавляют интересные подробности к его знанию этого мира» [Лотман, 1971: 210].

Миф незаметно для потребителя соединяет рациональное и иррациональное. Рациональное необходимо реципиенту СМИ, поскольку современный человек обучен мыслить и познавать окружающий мир с помощью логических категорий. Но иррациональное в мифе остается крайне привлекательным, поскольку предоставляет рецепты в тех ситуациях, которые с помощью опыта и знаний не решаются, или шансы на их решение минимальны (например, решение затруднений в любовных отношениях с помощью приворотных зелий или попытка вызывать дождь благодаря проведению ритуала [Тайлор, 1980: 129]. Еще несколько лет назад особой популярностью у журналистов пользовалось определение «культовый», которое применялось к самым различным явлениям действительности и культуры. «Культовыми» называли писателей, фильмы, режиссеров, актеров, танцовщиков, художников, хотя в латинском языке понятие «*cultus*» означает «обработка», «уход», а также «почитать», «ублажать» в смысле выполнения религиозных обрядов. Не берусь судить, выполнялись ли вокруг «культовых» персонажей какие-либо ритуальные действия, если не принимать за таковое, например, вручение премии «Оскар» и иже подобные, но журналисты, открывшие моду на словечко, явно пытались вызвать в подсознании реципиента некие возвышенные чувства, которые прежде вызывало священное, сакральное. В последнюю декаду марта 2017 года на телеканале «Культура» вновь прозвучало в эфире определение «культовый» применительно к дирижеру Теодору Курентзису (Ирина Никитина) и режиссеру мультипликационных фильмов Федору Хитруку, которому отмечали очередной юбилей.

Правда, последнее время интерес к мистике, запредельному, таинственному значительно потускнел, и количество выше описанных материалов как в аудиовизуальных, так и в печатных СМИ стало уменьшаться. Впрочем, пока трудно оценить, насколько борьба с «лженаукой» имеет научную ценность, поскольку в октябре 2016 г. Российская Академия Наук объявила наряду с целительством, магией,

циркониевыми браслетами несостоятельной и даже «наносающий вред нашему государству» гомеопатию.

Торжество рационализма в России нередко сводилось к идеологическим запретам и приносило чудовищный вред развитию науки. Мы и сегодня пожинаем плоды запретов на «вредную, буржуазную лженауку генетику» и кибернетику ровно по тем же соображениям. Это все то же пришедшее из каменного века табуирование [Фрезер, 1980: 318], исходящее, впрочем, за редким исключением, от научного сообщества, а чаще – от партийных функционеров, чьи научные достижения не способны конкурировать с новейшими открытиями, и тогда для доказательства собственной значимости они используют ресурсы власти, вплоть до карательных органов.

Журналистское сообщество относится к выше обозначенным проблемам достаточно однотипно: прошлые сталинские ошибки и перегибы единогласно осуждает, о современных трудностях сообщает индифферентно – как о свершившемся факте. Однако мистика, игра в совпадения, нумерология, метафорические комментарии пользуются на телевидении большим спросом. Например, 2 февраля 2017 г., в столетний юбилей отречения последнего русского царя Николая II, в выпуске новостей канала «Россия 1» прошла информация об обнаружении в Коломенском иконы Державной заступницы России, Царицы Небесной со знаками царской власти – скипетром и державой, явленной именно в день отречения императора. Царица Небесная якобы подхватила знаки власти, выпавшие из рук последнего царя. Далее следовал комментарий, что икона была написана в конце XVIII – начале XIX века в период Наполеоновских войн, когда трон русского императора Александра I пошатнулся, но потом исчезла и вновь обнаружилась в день отречения. С точки зрения получения информации, зрителю напомнили о судьбоносном событии столетней давности, но в гораздо большей степени материал был рассчитан на игру мистических совпадений судьбоносных для истории России событий и еще на проповедь имперской идеи.

Имперская идея, замененная совсем другими ритуальными понятиями в годы существования СССР, такими как «первая в мире страна победившего социализма», «дружба народов», «нерушимый союз» и т.д., в современной России середины 10-х гг. XXI века стала набирать обороты. Журналисты и блогеры – люди чуткие к намечающимся идеологическим трендам. На современном российском телевидении, даже в материалах посвященных истории и культуре, пышным цветом расцвела «имперская» стилистика: в сообщениях по поводу реставрации порталов Екатерининского дворца зритель слышит об «августейших хозяйках»; когда речь заходит об Октябрьской железной дороге, ему напоминают о «его императорского высочества именной...»; Екатерина Великая стала героиней телевизионного сериала, прославляющего государыню–строительницу России, великую императрицу, которую в прежние времена изображали без особого пафоса, и нередко как блудницу.

Ничего подобного в современной России прежде не было. Ведь во времена Бориса Ельцина Россия демонстрировала свою приверженность модели американской демократии, тем более что на Старой площади было не протолкнуться среди американских советников российского президента.

Миф, являющийся ближайшим «родственником» паблик рилейшнз, и особенно в сфере политики, практически только в исключительных случаях вступает в противоречие с действительностью. Чаще всего он ее просто интерпретирует по-своему, так как выгодно или удобно, по термину М.М. Бахтина, «героям-идеологам» [Бахтин, 1975: 282]. Природу он очеловечивает, наделяя происходящее субъективными мотивациями и объяснениями. Паблик рилейшнз также строит собственные мифы, создавая выгодную для определенных целей интерпретацию окружающего мира, как это делал древний человек, пытаясь присвоить себе враждебный мир.

Поэтому утверждение, что журналистика обходится без моделей коллективного бессознательного, особенно таких как архетипы и оппозиции, характерные для

первобытной культуры (см. Леви-Стросс), будет ошибкой. Начнем с использования архетипов, которые ряду теоретиков журналистской деятельности представляются монстрами, наводящими древний ужас на человека каменного века. Что бы ни говорилось по этому поводу, архетипические модели благополучно функционируют в любом, в том числе и в современном коммуникативном пространстве. На это указывал и создатель теории архетипов Карл Густав Юнг: «Архетипы являются ... в высшей степени важными вещами, оказывающими значительное воздействие, и к ним надо относиться со всей внимательностью. Их не следовало бы просто подавлять, напротив, они достойны того, чтобы самым тщательным образом принимать их в расчет, ибо они несут в себе опасность психического заражения» [Юнг, 1994: 142].

Обратимся ко всем понятным примерам. В своих исследованиях Юнг очень подробно и в деталях разработал два очень важных для публичной риторики архетипа: архетип Отца и архетип Героя. Рассмотрим, как эти два архетипа работают в современных СМИ.

Архетип Отца у Юнга описан как могущественный образ, живущий в душе ребенка. «*Отец* тоже сначала является отцом, всеобъемлющим образом Бога, динамическим принципом. В течение жизни этот властный образ также (как и мать – Е.К.) отступает на задний план: отец становится имеющей границы, зачастую слишком человеческой личностью. И наоборот, образ отца распространяется на все возможные сферы, соответствующие его значению» [Юнг, 1994: 341-342].

С самых ранних времен существования государственной власти те, кто возглавил род, племя, полис и etc., объявляли подданных «своими детьми». Следовательно, властитель становился Отцом, титул «*Pater Patriae*» римский сенат присвоил Цицерону, победившему Катилину; российский сенат присудил императору Петру I не только звание «Великий», но и титул Отца Отечества; Сталина в советской пропаганде именовали «Отцом народов». Качества, присущие великому государственному деятелю, чье правление принесло благо государству и народу, были сформулированы еще греками в панегириках властителям: великий полководец и победитель, мудрый государственный деятель и милосердный правитель, прощающий своих противников как неразумных детей (см. *Исократ, Евагор*) [Isocr., Evag.: 22–24; Корнилова, 2018: 56-57]. Враги создавали псогосы от противного, высмеивая все утверждения льстецов. Классический пример – «*Отыквление божественного Клавдия*» *Луция Аннея Сенеки*, появившееся после смерти императора.

Все разработанные в античности приемы и элементы создания ореола величия работают и сегодня, например, в президентских кампаниях; особенно популярными стали псогосы: из демократической среды против Трампа в США и Марин Ле Пен и Франсуа Фийона во Франции. В этом жанре в борьбе за электорат на политических соперников выливаются ушаты грязи и выкапываются давно забытые истории, дискредитирующие их как политиков. Так было с Хилари Клинтон, когда откопали историю использования незащищенного почтового ящика, с адреса которого отправлялась засекреченная информация. Теперь – «Пенелопагейт» у Фийона и пропагандистские материалы террористов в Твиттере, опубликованные Марин Ле Пен. Эти информационные вбросы подрывают авторитет политика, поскольку вступают в противоречие с образом «Отца нации». Защитники кандидатов включают другой мифологический регистр, обвинив «внешних врагов» в распространении ложной информации, как это происходит сегодня с мотивом русских хакеров, виновных в провале Клинтон, решение о выходе из Евразонии в Британии, трудностями во время выборов у госпожи Меркель. Возникает вопрос, какова цена демократических институтов, если вмешательство агентов другого государства может нанести такой непоправимый ущерб государству? Кстати, письма отправляемые госпожой Клинтон, были подлинными, касались «маленькой победоносной войны» в Ливии как части президентской кампании предыдущего президента от демократической партии Барака Обамы.

«Маленькая победоносная война» в Сирии невиданно подняла рейтинг и укрепила авторитет Владимира Путина не только внутри страны, но и за ее пределами. Если столь радикальная особа как Надежда Савченко открыто заявляет, что «Путин лучше Порошенко» (радио «Комсомольская правда» 26/02/2017, 13:10), это говорит само за себя. С другой стороны Президент РФ демонстрирует свою решительную заботу о народе, отправив в отставку сразу 9 губернаторов и 10 генералов. Этот акт отлично срабатывает на фоне довольно наивного утверждения, распространенного в массовом сознании, что все чиновники коррупционеры и воры. Если добрый царь всех их прогонит взащей, народу будет легче – традиционный мотив русской сказки.

В тоже время, из тех же украинских СМИ звучат жесткие обвинения в адрес российского Президента. «Путин – новый Гитлер», он – фашист, убивающий детей и стариков на Украине и в Сирии¹. Попытка демонизировать политического оппонента предпринимается и в странах, расположенных гораздо западнее Украины. В США нередко намекают, что провал Хилари на выборах был организован именно Путиным, все хакерские атаки проводились по его указанию и с его ведома, точно также как и допинговые скандалы были вызваны системой потребления запрещенных препаратов не иначе, чем на государственном уровне. Все эти утверждения абсолютно не доказуемы и имеют мифологический характер, но на виновника происходящего, демона и носителя зла, указано. Для массовой аудитории вполне достаточно. Мифологическое не проверяется. Если ему нет соответствия в действительности, то в этом вина действительности, а не мифа. С древнейших мифологических времен враг всегда должен быть демонизирован; именно поэтому в русских былинах «Калин-царь» всегда «собака», а СССР для президента США Рональда Рейгана «империя зла». Мирча Элиаде утверждал, что мифологическое – это, как правило, повторение того, что случалось ранее [Элиаде, 1987: 33].

В современной картине мира существование враждебных политических систем представляется аксиомой. Во времена холодной войны США противостояли СССР, НАТО – Варшавскому договору, и редко кто акцентировал внимание на том факте, что это ментальное противостояние опирается на центральную оппозицию коллективного бессознательного «свой-чужой». Многочисленные бинарные оппозиции коллективного бессознательного как основа мифологического мышления (например, правое – левое, верх – низ /ориентация относительно человеческого тела, а сегодня вполне политическая терминология, или жизнь – смерть) были выделены Клодом Леви-Стросом в книге «Структурная антропология» и в других сочинениях ученого [Леви-Строс, 1985; Леви-Строс, 1994]. Однако наиболее неистребимой оказалась оппозиция «свой – чужой», на преодоление которой были направлены и американский мультикультурализм, и европейская толерантность. Но оппозиция коллективного бессознательного оказалась мощнее всех модных концепций. В политике эта оппозиция продолжает играть определяющую роль. Например, газета «Коммерсантъ» от 09/01/2017 на первой полосе сообщает: «В интервью телеканалу ABC уходящий президент Барак Обама призвал республиканцев и демократов отбросить разногласия перед лицом внешней угрозы Америке, которая, по его убеждению, исходит от Москвы. "Нам надо напомнить себе, что мы в одной команде. А Владимир Путин не в нашей команде", – предупредил господин Обама. По его мнению, ситуация, когда часть республиканцев доверяет президенту России больше, чем соотечественникам-демократам, недопустима». А вот взгляд с другой стороны («Независимая газета», 10/01/2017, первая полоса): «Переброска из США в Европу тяжелой танковой бригады сопровождается вбросами в СМИ о российской военной угрозе и неизбежностью третьей мировой войны».

¹ К подобной риторике прибегал и Президент Турции Р.Эрдоган, раздраженный запретами на проведение митингов в поддержку его реформ в западноевропейских странах, когда упрекал Германию, и лично госпожу Меркель в нацизме, а затем в том же грехе Бельгию и Швейцарию.

То, что образы политиков в российских СМИ имеют мифологический характер, наглядно демонстрирует эволюция характеристик турецкого президента Реджепа Эрдогана, который до инцидента со сбитым российским самолетом СУ-24 объявлялся едва ли не союзником России, по крайней мере в борьбе с ИГИЛ, затем стал врагом, «нанесшим удар в спину», и против него появилось немало порочащих материалов, вброшенных в Интернет в Германии, а затем, после извинений и соглашений, опять обрел облик уважаемого политика и партнера.

Образ Героя тоже появляется на страницах российской прессы, хотя, разумеется, это не тот «культурный герой» с которым имела дело мифология: Прометей, Моисей, Илья Муромец – отцы-основатели, строители городов, победители чудовищ, творцы глобальных культурных ценностей. Сегодня это люди, совершившие благородные поступки, часто ценой собственной жизни, увековеченные в людском сознании благодаря авторитету и всеведению СМИ, в том числе и Интернету. Например, 09:17 12/09/2016 пресс-служба МВД по республике Дагестан сообщает о гибели младшего лейтенанта полиции Магомеда Нурбагандова, убитого боевиками. Последними словами погибшего сотрудника полиции, которые были засняты его убийцами, были слова: «Работайте, братья!». Эти слова и последние кадры жизни героя немедленно попытались превратить в слоган, который использовали в целях пропаганды патриотизма и верности присяге, в особенности на Северном Кавказе.

Конечно, основной пафос в российских СМИ связан с героикой Великой Отечественной войны, нещадно эксплуатировавшийся и советской пропагандистской машиной. Действительно, война с ее страданиями и кровью оставила в памяти народной чистый источник моделей самопожертвования и героизма предков, отстоявших само существование государства и нации. Этот источник не могут замутить никакие «откровения», типа последней публикации А. Бильжо о Зое Космодемьянской. Этот пафос постоянно эксплуатируется при создании новых ритуалов в современной России. Успех этих ритуалов неоднозначен. Но прежде чем перейти к примерам, рассмотрим проблему соотношения мифа и ритуала.

Уже цитировавшийся в данной работе Бронислав Малиновский в споре о первоосновах культуры отдавал ритуалу первенство перед мифом. Общество нуждается в механизмах, объединяющих его. Ритуалы и являются таким механизмом; они помогают справляться с неразрешимыми проблемами на уровне индивидуального сознания. Поэтому ритуалы древнее мифа, который есть лишь словесное объяснение и фиксация ритуала. «Ритуалы, обряды, обычаи и социальные институты порой заключают в себе прямые мифологические коннотации и считаются производными от тех или иных мифологических событий, – пишет Малиновский. – Культурный факт является памятником, в котором воплощен миф, а миф считается подлинным источником, из которого родилась мораль, социальное группирование, обряды и обычаи. Таким образом, священные сказания – это функционально интегрированная часть культуры» [Малиновский, 1998: 105].

В современной России активно опровергались и высмеивались ритуалы предыдущей эпохи: первомайские демонстрации, обряды пионерии и комсомола, празднование годовщины Октябрьской революции вообще было заменено на День народного единства, который, по сути, так и не стал праздником. Преемственность с предыдущим режимом сохранилась только в праздновании Дня Победы, хотя в последние годы появились новые ритуалы – шествие «Бессмертный полк» и «Георгиевская лента». Были попытки организовать и новое молодежное движение на озере Селигер. Но, похоже, она завершилась неудачей. Все события широко тиражировались и освещались в СМИ, без участия которых подобные акции были невозможны. Огромную роль в организации и проведении новых ритуалов играют интернет-сообщества, акции которых превращаются в информационные поводы и широко освещаются в СМИ. С другой стороны, государство пытается формировать изначально не связанные с предшествующей эпохой ритуалы – дни

города, выборы муниципальных руководителей. Совсем новым является празднование дня присоединения Крыма (сообщение телеканала «Дождь» 19:10 03/03/2017).

Архетип Героя в современных российских СМИ также переносится на образ спортсмена – олимпийского чемпиона или чемпиона мира, который «защищает честь страны и ее престиж на мировой арене». Фантастический почет, который оказывали спортсменам, победителям Олимпиад в Древней Греции, был связан с верой древних в непосредственную связь победителя в любом соревновании с волей богов. Кто выиграл – на той стороне и боги. На спортивные состязания ходили как к оракулу. Сегодня в спортивных победах не ищут таких аналогий, но в мирное время спортсмен прекрасно заменяет воителя-ратоборца, защитника границ и компенсирует потребность массового сознания в наличии героя-победителя. Однако спортивная тематика в отечественных СМИ иногда неоправданно занимает первые полосы, создавая контекст поистине национальной катастрофы. Так, например, столкновение на чемпионате мира по биатлону Мартена Фуркада и Антона Шипулина и дальнейшая полемика между ними транслировались в важнейших блоках новостей по российскому телевидению едва ли не в течение недели. Небольшой эпизод в личных отношениях спортсменов был превращен в событие мировой важности. Видимо потому, что золотая медаль по биатлону могла истребить множество драконов в российской глубинке...

В конце непростого разговора о мифологических моделях, продолжающих функционировать в общественном сознании страны именно благодаря участию в этом процессе средств массовой информации, покажем, как эти модели реализуются на уровне языка. Известный философ неокантианской школы, посвятивший свою жизнь исследованию мифологического мышления, Э. Кассирер выделяет несколько приемов «техники производства политических мифов». Приемы эти отличаются универсальным характером и прекрасно ложатся в лоно любой политической мифологии (Кассирер, 1990: 160 – 166). Это магическое использование слова, пророчества, повторяющиеся обрядовые действия.

Магия всегда употреблялась в тех случаях, в которых проявлялось полное бессилие человека перед природой неподвластного ему явления. «Магическое слово не описывает вещи или отношения между вещами; оно стремится производить действия и изменять явления природы», – считает Роллан Барт (Барт, 1996: 62). Магическим по факту является переименование милиции в полицию – предложение, озвученное и реализованное президентом России Д. А. Медведевым в рамках реформы МВД РФ, проведенной в 2011 году. О достигнутых результатах реформы силовой структуры могут судить сами россияне, которым хорошо известно, что на данное действие были затрачены бюджетные деньги.

Магические заклинания и сегодня присутствуют в российских СМИ, в которых каждое упоминание ИГИЛ сопровождается рефреном: «запрещенная в России террористическая организация». Некоторое время назад подобный рефрен сопровождал все новости, в которых упоминался украинский правый сектор, но последнее время «заклинание» было снято. Вероятно, по соображениям толерантности и попытки налаживания контактов с соседней страной.

Предсказания также являются частью образа государственного деятеля и делаются регулярно. Жители страны, прекрасно запомнившие денежные реформы ельциновской эпохи, научились сдержанно относиться к предсказаниям как политиков, так и аналитиков-специалистов, и даже придворных астрологов. Эти предсказания, то бишь их смысл, как все классические формы оракулов, либо были недоступны для понимания простых смертных, либо не совсем совпадали с действительностью. А чаще совсем не совпадали. Но ведь миф не может быть опровергнут, и если в нем есть некие несовпадения, то это уж не вина предсказателя...

17 февраля Lenta.Ru сообщила, что первый зампред правительства Шувалов предрек массовое снижение ставок по ипотеке. Действительно, спустя неделю прошло сообщение о том, что некоторые банки снизили ставки на ипотеку на 0,5 %... Правда, об этом говорили многие аналитики в связи с кризисными процессами, происходящими в

государстве... Сегодня уже Герман Греф и Михаил Мень как представители Московского правительства говорят, что ставка может снизиться еще на несколько сотых, и будет менее 10% годовых!

Как видим, мифологемы и архетипы, заговоры и предсказания занимают значительное место в работе российских массмедиа². Миф крайне живуч и напоминает Протея; он появляется в разных формах и обликах, но не может быть изгнан вообще. Как писал Арсений Гулыга, «разрушение мифа приводит не к господству рациональности, а к утверждению другого мифа. Когда на смену высокому мифу приходит низкий – беда: цивилизация идет вперед, но культура распадается» [Гулыга, 1985: 275].

Рациональное мышление, которое характеризует настоящее научное знание, – тяжкий крест. Смотреть на мир без розовых очков мифологии не просто, режет глаза. Слушать тех, кто пытается сказать правду, очень обидно. Проще совместными усилиями обвинить их во всех смертных грехах, в общей неудовлетворенности жизнью, в обиде на мироздание и продолжать пребывать в привычной, общей колыбельке мифологии. Приятных сновидений, господа!

Список литературы References

1. Барт Р. 1996. Мифологии. М.
Bart R. 1996. Mifologii [Mythologies]. M.
2. Бахтин М.М. 1975. Вопросы литературы и эстетики. М.
Bahtin M.M. 1975. Voprosy literatury i ehstetiki [Questions of the literature and aesthetics]. M. (in Russian)
3. Веселовский А.Н. 1940. Историческая поэтика. Л.
Veselovskij A.N. 1940. Istoricheskaya poehtika [Historical poetics]. L. (in Russian)
4. Гулыга А. 1985. Миф как философская проблема. В кн.: Античная культура и современная наука. М.
5. Исократ. Евагор. 1966. В кн.: Вестник древней истории (ВДИ), № 4.
Isokrat. Evagor. 1966. V kn.: Vestnik drevnej istorii (VDI) № 4.
6. Кассирер Э. 1990. Техника современных политических мифов. В кн.: Вестник МГУ. Сер. 7. Философия, 2: 160–166.
Kassirer E. 1990. Tekhnika sovremennyh politicheskikh mifov [Technology of modern political myths]. V kn.: Vestnik MGU. Ser. 7. Filosofiya, 2: 160–166. (in Russian)
7. Корнилова Е.Н. 2018. Риторика – искусство убеждать. М.
Kornilova E.N. 2018. Ritorika –iskusstvo ubezhdad' [Rhetoric – art of persuading]. M. (in Russian)
8. Лотман Ю.М. 1971. Еще раз о понятиях "слава" и "честь" в текстах Кавказского периода. В кн.: Труды по знаковым системам. Вып. V. Тарту, 210.
Lotman YU.M. 1971. Eshche raz o ponyatiyah "slava" i "chest" v tekstah Kavkazskogo perioda [Once again about the concepts of "glory" and "honor" in the texts of the Caucasian period]. In.: Trudy po znakovym sistemam. Vyp. V. Tartu, 210. (in Russian)
9. Леви-Строс К. 1994. Первобытное мышление. М.
Levi-Stros K. 1994. Pervobytnoe myshlenie [Primitive thinking]. M.
10. Леви-Строс К. 1985. Структурная антропология. М.
Levi-Stros K. 1985. Strukturnaya antropologiya [Structural Anthropology]. M.
11. Малиновский Б. 1998. Магия, наука, религия. М.
Malinovskij B. 1998. Magiya, nauka, religiya [Magic, science, religion]. M. (in Russian)
12. Мелетинский Е.М. 2000. От мифа к литературе. М.

² Мы показали наиболее бросающиеся в глаза случаи использования мифологических моделей в СМИ последних десятилетий. Но хочется напомнить исследователям, что миф практически всеяден. Он готов воспользоваться любым материалом – словом, изображением, утопической моделью и т.д. К.Г.Юнг указывал: «Все наиболее действенные идеалы всегда суть более или менее откровенные варианты архетипа» [Юнг, а, 1991: 283].

- Meletinskij E.M. 2000. Ot mifa k literature [From the myth to the literature]. M. (in Russian)
13. Тайлор Э.Б. 1980. Первобытная культура. М.
Tajlor E.B. 1980. Pervobytnaya kul'tura [Primitive culture]. M.
14. Фрэзер Дж. 1980. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М.
Frehzer Dzh. 1980. Zolotaya vetv': Issledovaniya magii i religii [The golden branch: studying of the magic and religion]. M.
15. Элиаде М. 1987. Космос и история. М.
Ehliade M. 1987. Kosmos i istoriya [The space and history]. M.
16. Юнг К.Г. 1991. Архетип и символ. М.
Yung K.G. 1991. Arhetip i simvol [Archetype and symbol]. M.
17. Юнг К.Г. 1994. Проблемы души нашего времени. М.
Yung K.G. 1994. Problemy dushi nashego vremeni [The problems of the soul of our time]. M.
18. Юнг К.Г. 1994. Психология бессознательного. М.
Yung K.G. 1994. Psihologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the unconscious]. M.